

Н.А. БОГОМОЛОВ

«ПУШКИН – ЦЕНТРИФУГЕ»

История неизданного сборника

Относительно широкий круг людей, интересующихся литературой начала XX века, должен был заметить книгу, о которой далее пойдет речь, из упоминания в не раз напечатанных воспоминаниях М.Л. Гаспарова о С.П. Боброве: «А вы знаете, что в «Центрифуге» должен был издаваться Пушкин? «Пушкин — Центрифуге», неизвестные страницы, подготовил Брюсов. Не потому неизвестные, что неизданные, а потому, что их никто не читает. Думаете, мало таких? целая книга!» (Я вспомнил эпиграфы, подписанные «А. П.». Потом в архиве Брюсова я нашел этот его договор с «Центрифугой») ¹. Упоминает этот замысел с указанием некоторых архивных шифров Е. Зеленкова в статье о пушкинской мистификации Боброва: «После революции 1917 г. «Центрифуга», и так не отличавшаяся наличием единой программы, столкнулась с рядом организационных и финансовых трудностей. Поиски возможностей для продолжения деятельности привели бессменного руководителя группы Сергея Боброва к идее издания «неизвестных» стихотворений Пушкина (по воспоминаниям М. Гаспарова, Бобров говорил не о неизданных стихотворениях Пушкина, а о тех, которые «никто не читает» <...>. Книга должна была называться «Пушкин — Центрифуге», проект издания хранится в фонде поэта в РГАЛИ. Очевидно, что интерес к пушкинскому стиху и невозможность продолжения литературной деятельности заставили Боброва обратить на себя внимание достаточно эксцентричным способом...» ². Однако о существовании такого проекта и в общих чертах о его содержании можно было узнать достаточно давно. В весьма известном издании читаем: «Интересны следы задуманной Брюсовым работы, которая должна была появиться в издании „Центрифуга“. Из сохранившихся в архиве проекта предисловия и плана издания видно, что Брюсов намеревался собрать „страницы и

20-012-00106А

¹ Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 389. См. также более ранние публикации: Гаспаров М.Л. Воспоминания о С.П. Боброве // Блоковский сборник. Тарту, 1993. [Вып.] XII; Гаспаров М.Л. Воспоминания о Сергее Боброве // Неизвестная книга Сергея Боброва из собрания библиотеки Стэнфордского университета / Под ред. М.Л. Гаспарова. [Oakland, 1993] (Stanford Slavic Studies. Vol. 6).

² «См. мат. фонда С. П. Боброва: РГАЛИ. Ф. 2554 Оп. 1. Ед. хр. 17 Л. 1; а также письмо В. Я. Брюсова с предложением вариантов названия: Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 8. Бобров и раньше обращался к поэзии Пушкина, в частности, книга «Новое о стихосложении Пушкина» (1915) посвящена проблемам стиховедения и вопросу о дольнике (или «паузнике» — в терминологии автора)» (Прим. автора. -- Н.Б.). См. также: Зеленкова Екатерина. Об одной литературной мистификации: С. Бобров — автор окончания пушкинской «Юдифи» // Русская филология. Тарту, 2013. [Вып. 24]. С. 169.

строки Пушкина, на которые обычно менее обращалось внимания; сопоставлением стихотворений и отрывков прозы выявить новое в уже знакомом". В книгу должны были войти: лирика (малоизвестные редакции, варианты, черновые наброски), отрывки из поэм и драм и повестей в малоизвестных редакциях, статьи и письма. В предисловии к задуманной книге Брюсов говорит, что издательство намерено доступным совершенством печати „дать гармонию внешности страницы и ее содержания", так как, по его глубокому убеждению, „внешность страницы уясняет стоящее на ней"»³. На этом список свидетельств об этой книге почти исчерпывается.

Однако из материалов, находящихся в архивах, можно создать себе гораздо более полное представление об этой вполне продуманной, но не доведенной до печатного станка книге, которая представляет собой важное свидетельство об идейной позиции и художественной ориентации «Центрифуги» в революционные годы.

Историю группы «Центрифуга» нельзя назвать вовсе неизученной⁴, однако в ней явно есть некоторые лакуны. Так, главный мотор всех действий группы С.П. Бобров писал, вспоминая историю возникновения группы: «Пришел некий вечер, и мы втроем основали ЦЕНТРИФУГУ. Сперва она называлась так: “Временный экстраординарный комитет по делам книгоиздательства Лирика”, а затем это стало самостоятельное книгоиздательство. Мы разослали всем “лирикам” грозную бумагу — Лирика упраздняется. Кто ее упраздняет? Мы. Кто мы? Вот мы трое, которые собравшись однажды, выбрали единогласно из своей среды сей комитет, куда и вошли все мы трое. Скандал поднялся неизобразимый. Мы переругались со всеми решительно. Так родилась ЦЕНТРИФУГА. К ней в дальнейшем примкнули И. А. Аксенов и еще кое-кто. Мы были так сказать на правом крыле футуризма, мы не только “признавали” Пушкина, но и работали над ним»⁵. Но как будто эта работа не укладывается в общую футуристическую ориентацию группы. Так, Л. Флейшман писал: «Главные нереализованные проекты “Центрифуги” конца 1916 – начала 1917 г. – это организация художественного салона и

³ Ашукин Н. Пушкиниана в архиве В.Я. Брюсова // Брюсов Валерий. Мой Пушкин. М., 1929. С. 307. В менее развернутом виде см. также: Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / Сост. Н. Ашукин. М., 1929. С. 346.

⁴ См., напр.: Марков В. История русского футуризма. СПб., 2000. С. 000—000 (впервые опублик. в 1969); Казакова С. Творческая история объединения «Центрифуга» // *Russian Literature*. 1990. Vol. XXVII. Fasc. 4. P. 459—482; Флейшман Л. История «Центрифуги» // Флейшман Лазарь. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 521—543 (впервые опублик. в 1977); Шукуров Д.Л. Литературные стратегии творчества авторов группы «Центрифуга» // Соловьевские исследования. Иваново, 2012. Вып. 3 (35). С. 111--121

⁵ «Это было горячо и талантливо»: Письма С.П. Боброва к А.П. Квятковскому // *Новый мир*. 2009. № 8. С. 000. Помимо интересующего нас сборника Пушкина тут явно имеются в виду небольшие книжки самого Боброва «Новое о стихосложении А.С. Пушкина», «Записки стихотворца» (обе вышли в издательстве «Мусагет» в 1915 и 1916 г.), его же статья «Описание стихотворения Пушкина “Виноград”» (Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. XXIX-XXX; имеется отдельный оттиск).

альманах. <...> Кроме Третьего альманаха, в 1917 году велась подготовка к изданию сборника “Стиховед” и двухмесячника “Центрифуги”⁶. Несколько более подробен А.В. Крусанов, завершающий обстоятельный разговор о «Третьем сборнике Центрифуги» словами: «Несмотря на то, что “Третий сборник Центрифуги” был практически собран и голов к печати, на его издание не хватило денег. <...> Кроме того, к лету 1917 г. были подготовлены к печати, но не вышли из-за отсутствия средств книги С. Боброва “К. Бубера. Критика житейской философии”, посвященный малоизвестным творениям Пушкина сборник под редакцией В. Брюсова “Пушкину Центрифуга”, альбом рисунков А.А. Экстер “Разрыв, движение, вес”, сборник по теории стихосложения “Стиховед” и другие. <...> Фактически к концу лета 1917 г. работа “Центрифуги” была парализована отсутствием финансирования и ростом стоимости типографских услуг»⁷.

Как видим, сборник под редакцией Брюсова если и упоминается среди книг футуристического издательства, то как некий случайный элемент. Лишь Е. Зеленкова попыталась каким-то образом вписать его в логику группового развития, однако получилось это, на наш взгляд, не вполне убедительно. Попробуем эту логику восстановить.

Создавая биографию Боброва, Ю.М. Гельперин писал: «Важную роль в творч. жизни Б. сыграло знакомство в кон. 1900-х гг. с В. Я. Брюсовым и А. Белым. Б. был деят. членом кружка стиховедов и поэтов, организованного при изд-ве “Мусагет” (т. н. “Молодой Мусагет”). Лит. дебют Б.— посв Брюсову, к-рого Б. считал своим, учителем (см. его выразит., портрет в автобиогр. ром. Б. “Мальчик”, М., 1966, с. 230—35), стих «Spiritus» (“Весна”, 1908, № 9, подпись С. Яншин)...»⁸. Однако то ли по условиям издания, то ли по собственным представлениям автор не стал говорить о том, что Боброва с лидерами символизма связывали значительно более тесные отношения. А тем не менее это было. О связях с Андреем Белым известно уже достаточно подробно⁹, о, как кажется, отношениях с Брюсовым были более существенным для его становления как личности — а следовательно и как поэта.

И здесь прежде всего следует отметить, что в конце 1912 года Бобров становится секретарем Общества Свободной эстетики, где непререкаемым вождем был Брюсов, и на некоторое время полностью попадает в зависимость от него. К этому добавляется, что он становится и секретарем журнала «Русский архив» -- явно так же по протекции Брюсова, с этим журналом тесно сотрудничавшего. Приведем фрагменты из дневника Боброва, относящиеся к 1912 году: «28.XI. Сегодня был у Брюсовых. <...> И.М. ругала Эльснера,

⁶ Флейшман Лазарь. Цит. соч. С. 538, 542.

⁷ Крусанов А.В. Русский авангард 1907—1932: Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. С. 798.

⁸ Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 1. С. 293.

⁹ Письма С.П. Боброва к Андрею Белому / Вст. ст., публ. и комм. К.Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. М.; СПб. 1992. [Вып.] 1. С. 113—169.

говорила, что он наглый господин. В.Я. тоже. Это хорошо. Брюсов из “Р<усской> М<ысли>” ушел. Будет там, вероятно, Любовь Гуревич. Позвали меня обедать. Говорил Брюсов, что футуризм он доволен – и поэтическим, и живописным. Однако согласился со мной в том, что Игорь Северянин без своих «словечек» никуда не годится. Он говорит: “Я хорошо знаю, как делаются петербургские стихи, а как футуристические задумываются – нет”. <...>

29.XI. Сегодня был мой первый вечер в “Эстетике”. (Незадолго до этого И.М. Брюсова устроила его секретарем в Общество Св<ободной> Эстетики ¹⁰). Перед этим я был в парикмахерской, где был чисто выбрит, прилизан и приведен в эстетический вид. Потом был дома, обедал, -- маменька меня благословила на труды, а с нянюшкой мы трогательно поцеловались перед моим отбытием. Приехал я – еще никого не было. Достал из шкапа книги, бумагу, чернила. За хранение пальто с меня двугривенного, ввиду моего служебного положения, не взяли. Потом пришла Анна Петровна и была ужасно довольна, что уже все готово. Начала стекаться публика. Был Си ¹¹ Шенрок, Пастернак. Был Мешков, говорил о своем журнале, просил стихов. Народу было видимо-невидимо, так что одна дама сказала: “Семейная баня, а не Эстетика”. Брюсов читал удивительнейшие, несказанные стихи. Особенно прекрасны были о гороскопе, Иксион и Зевс, и “Наполеон”. Чудесно, чудесно! И когда читал – смотрел вверх – как орел, на Ганимеда! Между прочим, он вчера говорил, что, начиная писать, никому своих стихов не носил. А тогда были Бальмонт и Мережковский, которыми он сильно увлекался. А Бальмонт сам к Брюсову пришел» ¹².

Таким образом, очевидно, что примерно с конца 1912 года Бобров становится не только знакомым Брюсова, но и его сотрудником. Это позволяло ему предложить мэтру составить оригинальную книгу, за которую книгоиздательство «Центрифуга» готово было выдать недурной гонорар. Переговоры пришлось на смутные времена в истории России. Первый из известных нам документов относится к марту 1917 года:

«Мы, нижеподписавшиеся, издательство «Центрифуга» и В.Я.Брюсов, заключили нижеследующее условие:

1)Я, Брюсов, обязуюсь составить для изд-ва сборник произведений Пушкина, согласно с программой, выясненной при наших личные переговорах, размерами около десяти печатных листов, с моим предисловием и примечаниями, и доставить рукопись сборника, вполне готовую к печати, не позднее 1 июля сего 1917 года.

¹⁰ Примечание, по всей вероятности, М.П. Богословской-Бобровой.

¹¹ Фамилия в машинописной копии не пропечаталась. Если исходить из логики времени, это должен быть А.А. Сидоров.

¹² РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 270. Л. 5—6. Машинопись (вероятно, сделанная М.П. Богословской-Бобровой для публикации).

2)Изд-во «Центрифуга» уплачивает мне, Брюсову, как гонорар за эту работу тысячу (1.000) рублей, с правом напечатать издание в четыре тысячи (4.000) экземпляров, при продажной цене в 2 р. 50 к. за экз.

3)Этот гонорар уплачивается в четыре срока, равными частями: 250 руб. при подписании сего условия; 250 руб. при сдаче рукописи; 250 руб. по выходе книги из печати, и 250 руб. через три месяца после выхода книги.

4)Изд-во «Центрифуга» обязуется напечатать книгу в срок не больший, нежели 1 год со дня сдачи рукописи; если в течение года книга издана не будет, я, Брюсов, волен издать ее через другое изд-во, а полученные мною части гонорара остаются в мою пользу.

Первая часть гонорара, в размере двухсот пятидесяти (250) рублей, получена мною при подписании сего условия, 22 марта 1917 года. Валерий Яковлевич Брюсов.

Редактор Издатель К-ва Центрифуга Сергей Бобров ¹³.

И почти сразу же, вдогон, Брюсов пишет еще одно письмо:

1 Мещанская, 32

24 марта 17.

Дорогой Сергей Павлович!

Так как «Ц» <так!> хотела анонсовать книгу немедленно, спешу предложить изменение заглавия. Не лучше ли, вместо «Пушкину Центрифуга», --

Пушкин – Центрифуге

ибо Пушкин – автор, и его имя желательно в именительном, а смысл еще правильнее: то, что Пушкин дает Центрифуге.

Кстати посылаю: проект предисловия («от редактора», а «от издателей» может быть другое) и образцы намечаемых стихов. Обдумав, вижу, что 10 листов удастся составить из материала весьма свежего, частью многим и многим неизвестного, частью – никому, ибо то будут мои открытия в рукописях и мои чтения рукописей, другими читаемых совсем по-иному.

Ваш

Валерий Брюсов.

Кланяюсь Ив. Алкс. Аксенову и бегло отвечаю. Слово «предпочесть» имеет два смысла: 1) предпочесть что чему, напр. «предпочесть Кружок поэме Липскерова», 2) предпочесть – отдать предпочтение чему пред чем, напр., «отдать предпочтение Авсонию пред прогулкой с красными флагами» и «предпочесть Авсонию прогулку». Конечно, последнее – латинизм: *rei publicae vitam graificari*, но возможный. Впрочем, после указания Ив. Алекс. подумываю стих изменить.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 665. Машинопись, текст приписки – рукой Брюсова. Заключительная подпись – рукой С.П. Боброва. Частично опубл.: Ашукин Николай, Щербаков Рем. Брюсов. М., 2006. С. 494.

В июле Брюсов передает Боброву еще одну расписку, которая, согласно их «условию», должна была соответствовать сдаче рукописи. У нас есть все основания полагать, что на деле Брюсов рукописи не сдал, но обозначил свою реальную работу над книгой, о чем см. далее:

В счет гонорара за книгу «Пушкин – Центрифуге» двести пятьдесят рублей, чеком на Московскую Контору Государственного банка, 9-го июля 1917 года, получил Валерий Брюсов ¹⁵.

Последнее свидетельство общения издателя и автора относительно планируемой книги находим в краткой записочке Боброва, посланной уже в следующем году:

Милостивый Государь,
дорогой Валерий Яковлевич.

Не откажитесь, черкните мне два словечка, когда можно к Вам приехать и застать Вас, чтобы поговорить о нашем Пушкине и еще кое о чем.

Буду Вам очень признателен.

Преданный Вам
Сергей Бобров ¹⁶.

Не обозначенный «разговор кое о чем», возможно, касался проблем, о которых Бобров писал менее, чем через месяц:

Милостивый Государь
Дорогой
Валерий Яковлевич,

Передавая Вам прошлый раз приглашение Лундберга в его журнал, я, как Вы, может быть, помните, указывал на то, что в журнале этом не будет политики. Так мне об этом сказал дважды сам Е.Г. Лундберг. В сегодняшнем же № «Знамени труда» -- для меня совершенно неожиданно – появилось объявление, из которого явствует, что политика все же будет. Прилагаю это объявление, чтобы Вы могли судить о всем сами. Надеюсь, Вы извините меня, что я совершенно невольно Вас подвел.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 17. Машинопись, подписи чернилами. Штемпель: К-во ЦЕНТРИФУГА. Получено 26.III.917. Вх. № 79. Исп. исх. №.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1 Ед. хр. 17. Л. 2. Штемпель: Валерий Яковлевич Брюсов. Москва, 1 Мещанская, 3. Второй штемпель: К-во ЦЕНТРИФУГА. Получено 9.VII. 917. Входящего и исходящего №, означенных в тексте штемпеля, нет.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 77. Ед. хр. 46. Л. 6. Машинопись, подпись -- автограф. Штемпель: «Центрифуга». Отправляется 4 апр<еля> 1918.

Примите, дорогой Валерий Яковлевич, мои уверения в моем совершенном почтении и преданности.

Сергей Бобров ¹⁷.

В 1917 г. Брюсов работал над сборником вполне активно, о чем свидетельствуют материалы, размещенные в его архиве (НИОР РГБ) под заглавием «Материалы к работе по подготовке сборника избранных произведений А.С. Пушкина (издательство “Центрифуга”) [1917]» ¹⁸. О том, что это действительно 1917 год или самое начало 1918-го, свидетельствует гrotовская орфография, от которой Брюсов довольно быстро отказался. Первый лист с карандашными набросками того, как должно быть расположено заглавие книги, явно относится к самому началу работы:

ПУШКИНУ
ЦЕНТРИФУГА

Как мы помним, 24 марта 1917 года Брюсов предложил Боброву иное заглавие – «Пушкин Центрифуге», которое младший поэт вряд ли решился отвергнуть. Стало быть, данный лист заполнялся не позже этой даты.

Тогда же Брюсов стал готовить предисловие. Сохранилось два черновых его наброска, которые мы публикуем. Нам представляется, что первым был краткий фрагмент под заглавием «Предисловие», набросанный карандашом: «Наша задача – собрать страницы П<ушкина>, кот<орые> особенно часто хочется перечитывать» (Л. 14). Более проработан другой черновик: «Каждое поколение оценивает и еще долго будет оценивать Пу<шки>на со своей точки зрения. Мы знаем много Пуш<кина>, нежели наши отцы и деды.

Представить полно этого «нашего» П<у>шк<тна> – так<ова> цель издания. Мне хотелось в этой книге собрать все те строки Пу<шкина>, кот<орые> совр<еменный> читат<атель> перечитывает особен<но> часто. Выбор произвед<е>н<кий>, входящ<их> в кн<и>гу и общ<ая> редакци<я> испол<нены> Вал<ерием> Бр<юсовым>» ¹⁹.

Обращает на себя внимание, что главная задача будущего издания тут осмысляется как представление наиболее «современных» стихотворений Пушкина, тех, «которые особенно часто хочется перечитывать». Но вариант, видимо, посланный в письме от 24 марта, говорит уже о другом. Вот эта машинопись без какой бы то ни было правки:

Проект предисловия

¹⁷ Там же. Л. 7. Штемпель: 1 мая 1918. Приложена вырезка из газеты «Знамя Труда» от 1 мая, № 193 о выходе в середине мая № 1 периодического журнала «Знамя Труда»: Временник литературы, искусства и политики, издаваемого под редакцией Р. Иванова-Разумника, Е.Г. Лундберга и В.А. Карелина.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 43. Ед. хр. 4. Там, где это возможно, листы указаны непосредственно в тексте.

¹⁹ Там же. Л. 7об. Последнюю фразу нам прочитывать не удалось.

к сборнику «Пушкину Центрифуга»

«Каждая строка Пушкина драгоценна», -- это, став общим местом, осталось – и это редко – истиной. И мы поставили бы заглавие «Пушкин, новое», если б не верили что у величайшего нашего поэта для русского читателя не может быть неизвестного. Но в собрании сочинений отдельные жемчужины тонут в блеске крупных перлов и главных алмазов венца. Кроме того, сопоставление страниц иногда по-новому их осмысливает. Поэтому, подбирая те жемчужины, мы включили и несколько известнейших драгоценностей – частью чтобы под блеском других озарить в них новые грани, частью – чтобы их собственным блеском осветить другие. Наконец, по нашему убеждению, внешность страниц уясняет стоящее на них: печатать должно столь же для глаз, как для слуха.

Итак, три задачи настоящего издания:

1)Собрать страницы и строки Пушкина, на которые обычно менее обращают внимания.

2)Сопоставлением стихотворений и отрывков прозы выявить новое в уже знакомом.

3)Доступным нам совершенством печати дать гармонию внешности страниц и их содержания.

В примечаниях, с точностью, указано, откуда взят текст, причем явствует, что многие – непосредственно из рукописей.

1917

*Валерий Брюсов*²⁰.

Как видим, здесь еще сохранено первоначальное заглавие, но замысел уже несколько иной.

Следом за этим Брюсов начинает подсчитывать объем книги, и выясняется, что в предположенные 10 печатных листов он никак не уместается. Инвентаризация ведется идет уже под заглавием «Пушкин Центрифуге», то есть после второго письма к Боброву. На л. 2—11 Брюсов ведет подсчеты по разным принципам: по жанрам (лишь относительно соотносящихся с традиционной жанровой системой, как на л. Зоб: «Чист<ая> лир<ика>. Перев<оды> и подр<ажания>. Баллады. Чернов<ые> наброски. Эпигр<аммы>»), по количеству строк, по годам. Вряд ли имеет смысл приводить все эти записи, иногда чрезвычайно неразборчивые, но следует сказать, что в них уже отразился принцип, обозначенный в предисловии: стихотворения малоизвестные, оставшиеся в черновиках, расшифрованные самим Брюсовым или его современниками, прежде всего (что показывают сохранившиеся наброски примечаний) П.Е. Щеголевым и Н.О. Лернером

²⁰ Там же. Л. 22. Этот проект предисловия был использован для рекламы, помещенной среди прочих рекламных объявлений в изданной «Центрифугой» книге И. Аксенова «Пикассо и окрестности». Для этой акции была снята только дата и подпись Брюсова.

²¹, но рядом с ними – прославленные, едва ли не самые знаменитые во всем наследии Пушкина, вплоть до «Я помню чудное мгновенье...», «Песни о вещем Олеге», «Бесов», «Пророка», «На холмах Грузии...», «Пира Петра Великого», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Видимо, после этого Брюсов составляет два плана, которые уже печатает на машинке и, судя по всему, посылает Боброву. Они представляют два варианта книги, рассчитанных на разный объем, выяснившийся из тех подсчетов, о которых мы говорили.

Вот они:

Пушкин

- 1) Биографический очерк и выдержки из статей о Пушкине (Вл. Соловьева, Д. Мережковского, В. Розанова, Ф. Сологуба, Н. Лернера, Вал. Брюсова и др).
- 2) Стихотворения (Лирика чистая, лирика подражательная, баллады, из черновых набросков, эпиграммы).
- 3) Поэмы (отрывки из «адской» поэмы, Цыгане, отрывки из Евгения Онегина, Медный всадник, отрывки из Моей родословной).
- 4) Драмы (Пир во время чумы, Моцарт и Сальери).
- 5) Рассказы (Египетские ночи, отрывки из Пиковой Дамы, из неоконченных повестей).
- 6) Статьи.
- 7) Мелкие заметки, планы, наброски.
- 8) Примечания Не свыше 20 лист.

Пушкин

(Второй план)

- 1) Биографический очерк и выдержки из статей.
- 2) Лирические стихотворения, лирические наброски, черновые варианты стихов.
- 3) Отрывки из «адской» поэмы, черновые варианты Кавказского пленника, Бахчисарайского Фонтана, Евгения Онегина, Галуба и др.
- 4) Из неоконченных повестей. Египетские ночи.
- 5) Страницы из разных повестей, драм и т. под.
- 6) Статьи, заметки, наброски, планы.
- 7) Выдержки из писем.
- 8) Примечания.

15-16 лист. (Л. 12—13).

²¹ В связи с решительным разрывом отношений между Брюсовым и Лернером используются те публикации последнего, которые были им выполнены для журнала «Весы». Подробнее о ссоре между двумя пушкинистами см.: Валерий Брюсов – историк литературы: Переписка с П.И. Бартеневым и Н.О. Лернером. М., 2019. С. 112—115.

Но при этом хочется обратить внимание, что этот замысел не был изолированным. Пункт «Пушкин» даже идет под вторым номером, а под первым -- «Бодлэр». Он напечатан на той же самой машинке на том же листе, что и первый план «Пушкин» (Л. 12). Вот его текст:

1.Бодлэр

- 1)Статьи о Бодлэре (биография, статьи Готье, Ренье, Роденбаха и др.)
- 2)Цветы Зла (Переводы К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Валерия Брюсова, Эллиса и мн. др.).
- 3)Маленькие поэмы в прозе
- 4)Искусственные эдемы
- 5)Художник и современная жизнь
- 6)Критические статьи
- 7)Мелкие статьи, планы, заметки
- 8)Дневники (мое обнаженное сердце и др.), воспоминания, письма
- 9)Примечания

Не свыше 15 лист.

Невозможно не заметить, что в планах изданий Пушкина и Бодлера одинакова и общая структура, и объем. Видимо, предполагалось создание какой-то серии однотипных изданий русских и иностранных (или только французских?) поэтов. С осторожностью можно предположить, что в этот проект входили еще сочинений Верлена (переводчиком и знатоком жизни и творчества которого был Брюсов) и А. Рембо, о котором незадолго до того большую статью напечатал Бобров²². Однако ни об одной из этих книг мы не нашли никаких известий. Да и вообще, как мы уже отмечали выше, издательская деятельность «Центрифуги» с весны 1917 г. фактически прекратилась.

В той единице хранения, о которой мы говорили выше, сохранились два наброска предисловия к изданию сочинений Пушкина. Приведем первый из них:

«Уже при жизни Пушкина было, почти без споров, единогласно, признано, что он – великий народный поэт. Но полно оценили Пушкина лишь значительно позже. Во-первых, все действительно «великое» требует времени и труда, чтобы быть вполне понятным. Значение Пушкина вполне выяснилось лишь после того, как его произведения были критически [разобраны несколькими поколениями наших критиков: Белинским, Анненковым, Добролюбовым, Ап. Григорьевым, Достоевским, Мережковским и многими другими, после того, как о Пушкине высказали свое суждение наши лучшие писатели: Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Тургенев и др.] разобраны несколькими поколениями

²² Бобров С. Жизнь и творчество А. Рембо // Русская мысль. 1913. № 10. С. 127—154 первой пагинации. Статью продвигал Брюсов. См. также восторженный пассаж Боброва о творчестве Бодлера (Письма С.П. Боброва к Андрею Белому 1910—1912 / Вст. ст., публ. и коммент. К.Ю. Постоутенко // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. [Т.] 1. С. 130—132).

критиков и все наши лучшие писатели высказали свои суждения об нем: Белинский, Анненков, Ап. Григорьев, Добролюбов, Писарев, Мережковский, Кольцов, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Л. Толстой и мн. др. участвовали в этой работе, конечно, в разной мере, но все способствовали уяснению образа Пушкина, даже те, которые, как Писарев и, иногда Л. Толстой, высказывали отрицательные суждения. Во-вторых, написанное Пушкиным лишь медленно, в течение десятилетий, становилось доступно читателям. Сам Пушкин напечатал, при своей жизни, далеко не все, что написал, частью потому, что мешала цензура (напр., поэма «Медный Всадник»), частью потому, что написанное еще не было закончено (напр., драма «Русалка», повесть «Арап Петра Великого», «Египетские Ночи») или не предназначалось автором для печати (многие эпиграммы и шутки, «История села Горюхина», все письма), частью по другим причинам. В сочинениях Пушкина больше страниц, изданных по его смерти, чем при его жизни, и эти страницы, из которых некоторые впервые напечатаны совсем недавно (напр., строфы «Евгения Онегина» о декабристах), нередко прямо необходимы для правильного понимания поэта. Должно добавить, что только в последние годы начали изучать Пушкина и его время подлинно научными методами и что только в XX веке появились действительно «полные» (и то не совсем) собрания сочинений Пушкина. Понятно после этого, что всесторонне оценить значение Пушкина стало возможно лишь для нашего поколения. Но эта новая оценка, опирающаяся уже не на догадки, а на факты, проверенные научно, должна, в общем, повторить прежний приговор: Пушкин – великий народный поэт.

Почему же мы вправе и должны называть Пушкина великим поэтом и народным поэтом?

Народным или национальным называют поэта, который в своем творчестве отражает дух своего народа. Бесспорно, каждый народ имеет свои характерные особенности, свою «личность», индивидуальность. Французы отличаются и от немцев, и от англичан, и от испанцев, русские – от всех них. История, века и тысячелетия сравнительно обособленной жизни – создали тип русского; у него не только свои привычки, свои бытовые особенности, не схожие с немецкими или испанскими, но и свой взгляд на все, свой способ мыслить, свое «мировоззрение». Читая Пушкина, мы, русские, узнаем самих себя. Иностранец по-иному подошел бы к героям Пушкина, к Татьяне, к Онегину, к Белкину, к Дубровскому, к Мельнику и его дочери; иностранец иначе отнесся бы к бесконечному ряду привычных нам картин и образов, рассеянных в поэмах, стихотворениях и повестях Пушкина, -- к зиме, с ее метелями и вьюгами, к раздолью наших степей, к нашей тихой весне, ко всем явлениям нашей природы и нашей жизни; наконец, иностранец по-иному стал бы оценивать события и явления не-русской жизни, и этого «Каменного гостя» Испании, и «Скупого рыцаря», и Гирея, и Старого Цыгана.

Надо быть русским, надо сжиться с нашей природой, чтобы так говорить <текст обрывается>»²³.

Если это было действительно предисловие к планировавшемуся изданию, то вряд ли его можно признать удачным. Для потенциального читателя книги, изданной «Центрифугой», оно все-таки слишком элементарно, да и проблема, о которой пишет Брюсов, не соответствует заявленной в плане – биографическому очерку о Пушкине. В еще меньшей степени годился бы для этого издания другой вариант статьи, начало которой сохранилось в той же папке (Л. 17—18, 20об). Пояснения вроде «”либеральным” (освободительным) движением» и даже «преподавателей (учителей)», как кажется, свидетельствует, что оно было предназначено для какого-то совсем иного издания типа «Народной библиотеки», в деятельности которой Брюсов активно участвовал.

Остальные листы данной единицы хранения представляют собой подготовительные материалы для набора, преимущественно расклейки различных изданий. Архивная раскладка (видимо, восходящая еще ко временам И.М. Брюсовой) хаотична и не дает возможности сколько-нибудь подробно представить себе состав и композицию окончательного варианта книги. Поэтому мы с уверенностью не можем сказать, что именно Брюсов хотел представить читателям этой книгой: малоизвестного Пушкина или же какое-то соединение малоизвестных произведений с широко популярными.

Вторая часть представляемых документов уже не имеет отношения непосредственно к Брюсову, а показывает отношение советских издательских инстанций к нестандартным замыслам.

Напомним, что Брюсов с марта 1917 г. практически без перерывов занимал различные высокие посты в иерархии государственных учреждений, имеющих отношение к печати. С марта до сентября 1917 г. он был руководителем московского Комиссариата по регистрации произведений печати²⁴, в 1918—1919 г. – Управления по делам печати, и какое-то время – отдела научных библиотек Наркомпроса, затем служил в Государственном издательстве (которое, напомним, в то время выполняло массу различных функций, прежде всего – разрешения на выход книг), и т.д. Бобров в это время также служит в Госиздате и явно имеет возможности для проталкивания книг, как собственных, так и своего издательства. Но даже такое высокое положение Брюсова и связей Боброва не могло практически ничем помочь в издании некоторых книг. Как и почему это происходило, наглядно показывает историю интересующего нас сборника.

²³ Л. 15. На бланке Варшавского комитета по делам печати, по старой орфографии.

²⁴ Подробнее см.: Орлова М.В. В.Я. Брюсов — комиссар по регистрации произведений печати в 1917 году (по материалам Рукописного отдела Государственного литературного музея) // Перелом 1917 года: Революционный контекст русской литературы: Исследования и материалы. М., 2017. С. 219—234.

Еще до середины 1918 года была некоторая надежда, что хотя бы относительная свобода печати сохранится. Однако после 6 июля этой надежде был положен предел. Вся власть в области книгоиздательства и выпуска СМИ сосредоточилась в руках различных советских инстанций, мало что понимавших в порученном им деле. Первый из документов, имеющихся в нашем распоряжении, -- письмо издательства «Центрифуга» (в машинописной копии подписи нет, но вряд ли можно сомневаться, что подписывал все Бобров) следующего содержания:

Книгоиздательство

Ц Е Н Т Р И Ф У Г А

Москва, Погодинская, 4, 45

30 декабря 1918.

№ 127

В Отдел по делам печати Московского Совета

Рабочих и Красноармейских Депутатов

В ответ на отношение Ваше от 26 с/м <...> редакционная коллегия книгоиздательства ЦЕНТРИФУГА имеет честь препроводить Вам следующие данные о деятельности издательства. <...>

4) *План дальнейших работ.* – В настоящее время в Типографии т-ва Левенсон находится в работе одна наша книга: «М. Бубера, Критика житейской философии», книга набрана и сверстана, но типография задерживает печатание <...> Намечены к печати и частью уже и готовы к печати следующие книги: 1) «Пушкину Центрифуга», сборник, посвященный малоизвестным творениям (810б) поэта под редакцией Валерия Брюсова, 2) альбом красочных рисунков А. Экстер «Разрыв, движение, вес», часть клише этого сборника готова, остальные находятся в работе, 3) сборник «Стихoved» <...> 4) Второй том переводов И.А. Аксенова из английских авторов до-Шекспировского времени <... > 5) третий альманах к-ва, куда входят стихи, изящная проза, теория творчества и стиха, критика и библиография, 6) второй том «Записок стихотворца» С.П. Боброва <...> 7-13) книги стихов Асеева, Аксенова, Боброва, Большакова, Ивнева и Шиллинга, 14-19) изящная проза Ивнева, Пастернака, Аксенова. <...> Ко всему этому мы должны прибавить, что, как уже было указано нами в докладной записке, поданной Вам в октябре с/г, не только расширение, но и продолжение работы к-ва в настоящее время невозможно из-за отсутствия средств. До сих пор к-во не окупало себя (да мы и не задавались нимало коммерческими целями) и существовало на субсидии богатых «любителей». В настоящее время приток таких субсидий прекратился и надеяться на его возобновление тщетно, так как если раньше могла быть надежда на то, что деньги рано или поздно вернутся к ссудившему их, то теперь, в связи с муниципализацией книгоиздательств на (82) это «меценат» надеяться не может. Это создает для нас такое положение, что без поддержки государства мы существовать далее не можем. Ввиду этого мы недавно обратились к

Народному Комиссару по Просвещению товарищу А.В. Луначарскому с докладной запиской, где, изложив вышесказанное, просили о таковой поддержке, на что и получили от товарища Луначарского словесное обещание удовлетворить нашу просьбу. Конкретизация же поддержки этой откладывается до полного формирования при Народном Комиссариате по Просвещению Литературного Отдела.

Редактор-Издатель

Члены Коллегии (подписей нет) ²⁵

Трудно сказать, идет ли речь в этом письме о далее публикуемом (со вполне объяснимой хронологической неувязкой), или о каком-либо другом, но в любом случае смысл вполне передается:

Народному Комиссару по Просвещению т. А.В. Луначарскому.

от книгоиздательства ЦЕНТРИФУГА
в Москве.

Прошение

Книгоиздательство ЦЕНТРИФУГА имеет честь покорнейше просить Вас о разрешении отпечатать и выпустить в свет книгу « Пушкину – Центрифуга» под редакцией В.Я. Брюсова.

Книга эта задумана нами еще в 1917 году (когда и появился анонс о ней в нашем издании «Пикассо и окрестности») и по мысли к-ва и редактора ее должна представлять собой сборник произведений Пушкина, которые обычно в «полных собраниях» отходят на задний план, печатаются петитом в примечаниях и потому доходят лишь до сведения знатоков и специалистов. Учитывая то обстоятельство, что многочисленные отрывки Пушкина и варианты, несмотря на свою диспаратность и фрагментарность, представляют собой высокую эстетическую ценность, мы решились объединить эти спорады творчества в одну книгу и таким образом довести до широких масс то, из чего возникли впоследствии титанические произведения Пушкинской музыки. Кроме того, в этой книге будут помещены многие варианты, почерпнутые непосредственно из рукописей, -- плод многолетней работы В.Я. Брюсова, заслуженного пушки<ни>ста, над рукописями поэта.

Ввиду декрета о национализации классиков, воспевающего частным к-вам издавать этих последних, к-во ЦЕНТРИФУГА настоящим обращается к Вам с просьбой разрешить выпуск описанной книги.

Редактор-Издатель ЦЕНТРИФУГИ СБ

Секретарь Редакции <подписи нет>

29 января 1919.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 81. Машинопись без подписей.

Из других документов, хранящихся в этом фонде, становится очевидно, что никакие усилия начала 1919 года не помогли, и осенью Бобров вновь начинает усилия по спасению издательства. Л. Флейшман писал со ссылкой на материалы личного архива М.П. Богословской-Бобровой: «В 1918 г. С.П. Бобров, И.А. Аксенов, К.А. Большаков, Рюрик Ивнев и Борис Пастернак подают А.В. Луначарскому докладную записку с ходатайством об официальной поддержке книгоиздательства “Центрифуга”» ²⁷. Нам представляется, что речь идет о первой (недатированной) записке из трех, ныне хранящихся в фонде Боброва в РГАЛИ ²⁸. Две остальные имеют даты: 22 сентября и 2 ноября 1919 г., т.е. скорее всего и первая относится к осени 1919 года. Во всех трех речь идет о поддержке футуристических устремлений издательства, и брюсовский сборник Пушкина даже не упоминается. Однако 25 октября (примечательный день!) от «Центрифуги» в Госиздат поступает подробная и убедительно прописанная смета на ряд изданий, которые предполагается выпустить. Не воспроизводя ее всю, перечислим лишь те книги, на которые издательство запрашивало деньги: сборники Боброва «Дельта» и «Лотофаг», «Ангел всех скорбящих» Большакова, «Эйфелея» Аксенова и «Третий сборник Центрифуги» был готовы к печати ²⁹, об интересующей нас книге (представленной как «В. Брюсов. Пушкину Центрифуга») и втором выпуске «Записок стихотворца» Боброва было сказано: «Оригиналы могут быть представлены примерно через месяц по утверждению смет»; наконец с пометой: «Для производства нижеследующих оригиналов необходимо предварительное авансирование» шли «Антология русской поэзии от Кантемира до наших дней», Ландри. «Ритм французского стиха», Веррье. «Основы английской метрики» и Скрипчур. «Экспериментальная фонетика» ³⁰. Помимо того, различные материалы той же единицы хранения называют книгу: Евгений Шиллинг. Херувимская. 1-я книга стихов, 4 п.л. и сборник «Стиховеда». 6 п.л. Для историков русской науки о литературе рубежа 1910—1920-х годов может представить интерес сохранившееся там же содержание первого выпуска «Стиховеда». Его должны были составить статьи: И.А.Аксенов. Экспериментальная метрика на Западе; С.П.Бобров. Установление влияний (теории реминисценции); Б.В. Томашевский. Ритм в

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 87. Машинопись, подпись Боброва – чернилами.

²⁷ Флейшман Лазарь. Цит. соч. С. 542.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 68.

²⁹ Книги Боброва изданы не были; рукописный вариант «Эйфелеи» сохранился в его библиотеке (ныне в ГПИБ, воспроизведен на сайте и диске среди прочих книг русского авангарда; неизданный «Ангел всех скорбящих», который доброжелательно рецензировал Брюсов (Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 244), возможно хотя бы отчасти реконструировать; о составе «Третьего сборника Центрифуги» см.: Крусанов Андрей. Цит. соч. С. 795—798.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 663. Л. 9.

прозе; С.Часин <?>. Новая подделка Пушкина; Р.О. Якобсон. Поэзия В. Хлебникова (?); В. Шишов. Русский вольный ямб (?); Библиография»³¹.

31 октября 1919 года датирована выписка из протокола коллегии Госиздата:

«Слушали:

7)Просьба Книгоиздательства Центрифуга о субсидии

Постановили?

7)Отклонить, считая в настоящий момент несвоевременным расход бумаги на предлагаемые Центрифугой произведения»³²

Бобров попробовал еще раз добыть в Госиздате деньги, теперь уже хотя на издание той книги, которая нас прежде всего занимает. Он обращается в эту инстанцию с прошением:

В Государственное Издательство

(17) Книгоиздательство ЦЕНТРИФУГА, предполагая выпустить книгу «Пушкину ЦЕНТРИФУГА», просит ГИЗ, ввиду национализации классиков, разрешить ему это издание.

Книга будет заключать в себе 10 печ. листов и представляет собой сборник тех стихотворений Пушкина, которые по разным обстоятельствам или печатались в примечаниях, или не печатались вовсе (более или менее законченные варианты из рукописей), и таким образом были известны лишь знатокам, а до более широкого круга читателей не доходили вовсе. Таких вещей у Пушкина немало и в общем их набралось на почтенный том в 160 страниц. Сборник «Пушкину ЦЕНТРИФУГА» вчерне готов и может быть представлен немедленно по утверждению сметы. Сборник был задуман нами еще в 1916 г., а в 1917 был анонсирован в нашем издании «Пикассо и окрестности».

Редактирует издание В.Я. Брюсов, известность которого как образцового пушкиниста не требует эпитетов и служит вполне достаточной гарантией за научную значимость книги. Конкурировать с Государственными изданиями Пушкина (напр., с Академическим) наша книга, разумеется, не может, ибо не имеет в виду дать представление о Пушкине, а стремится лишь к развитию этого представления.

Редактор-Издатель ЦЕНТРИФУГИ С.Б.

Секретарь <подпись нрзб>³³

³¹ Там же. Л. 33. Статья Боброва была позднее опубликована под заглавием «Заимствования и влияния» (Печать и революция. 1922. Кн. VIII. С. 72—92), статья Томашевского – по всей видимости, его доклад в МЛК 13 февраля 1920 г. (опубликован: Томашевский Б.В. О стихе. Л., 1929. С. 254—317), Якобсона – скорее всего какие-то материалы к его первой работе о Хлебникове (Новейшая русская поэзия: набросок первый. Прага, 1921). «Новая подделка Пушкина», вероятно, трактовала о судьбе известной мистификации Боброва, обманувшей Н.О. Лернера (см. ст. Е. Зеленковой, названную в примеч. 2).

³² РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 68.

³³ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 663. Л. 17. Документ не датирован, но его исходящий номер – 10, тогда как предыдущий, № 9, был датирован 25 октября, а отрицательное

Мы не знаем, что произошло в «коридорах Госиздата» (А. Тарковский), но менее чем через месяц появился документ, который имеет смысл процитировать:

Бланк Государственного Издательства

Договор № 24/112

(19) 24 Ноября 1919 года мы нижеподписавшиеся в лице Заведующего В.В. БОРОВСКОГО с одной стороны и К-во «ЦЕНТРИФУГА», в лице владельца С.П. БОБРОВА, проживающего по М. Путинковскому пер., в д. № 4, кв. 21, заключили между собой настоящий договор в нижеследующем:

1) Государственное Издательство заказывает К-ву «Центрифуга» книги: а) БОБРОВ, «Дельта»; б) «ТРЕТИЙ СБОРНИК ЦЕНТРИФУГИ»; в) БРЮСОВ «Пушкину Центрифуга» и г) СКРИПЧЮР, «Экспериментальная фонетика», книги печатаются в количестве 1000-3000 экз. и весь завод передается полностью в Государственное Издательство. <...>³⁴

Но этот договор так ник чему и не привел. Ни одна поименованная в нем книга света не увидела. На этом издательская эпопея с работой Брюсова, насколько мы могли ее проследить, заканчивается.

Более или менее понятно, почему Брюсов не стал поддерживать Боброва и бороться за нее. Книга была еще явно не готова, надо было приложить немало усилий, чтобы ее довести до типографии, а Брюсов в это время был увлечен новой пушкинской работой – полным собранием сочинений, из которого увидел свет только первый выпуск первого тома (вышел в мае 1920). Да новый читатель Пушкина требовал совсем иного подхода к представлению поэта.

решение – 31 октября, и в нем говорится о книгах, а не об одной работе, деньги на издание которой спрашивались сейчас.

³⁴ Там же. Л. 19. На л. 20 – копия.